

Сказка про Ивасика

Жили себе муж с женой, и был у них сыночек единственный Ивасик. Как подрос немножко Ивасик, стал просить отца:

– Сделайте мне, батя, лодочку да вёсельшко, буду я ловить рыбку и вас на старости лет кормить.

– Куда тебе, сынок, мал ты ещё, – говорит отец.

А он своё: сделайте, да сделайте. Вот смастерил ему отец лодочку и вёсельшко, и стал Ивасик рыбачить. Поплывёт далеко-дальнешенько речкой, а мать тем временем ему есть наварит, в два горшочка нальёт, возьмёт ещё и рубашечку белую для Ивасика, пойдёт к берегу, станет и кличет:

Ивасику, Ивасику,

Приплынь – приплынь

Ко бережку:

Дам я тебе и есть, и пить,

И хорошо походить.

А Ивасик услышит:

– Да ведь это моей матушки голосок. Плыви, плыви, лодочка, к бережку.

Приплывёт, пообедает, рубашечку белую возьмёт, поблагодарит, отдаст матери наловленную рыбку и снова на речку.

Углядела Ивасика ведьма да и говорит себе:

– А неплохо было б Ивасикового мясца отведать. Ну-ка заманю я его.

Стала она обеденной порой на бережке, зовёт:

Ивасику, Ивасику,

Приплынь-приплынь

Ко бережку:

Дам я тебе и есть, и пить,

И хорошо походить.

Послушал-послушал Ивасик:

– Нет, не моей матушки это голосок: у моей матушки голосок, как из шёлка, а это такой, как у волка. Плыви, плыви, лодочка, подальше!

Смекнула ведьма, что так не заманит, побежала к кузнецу:

– Кузнец, скуй ты мне такой голосок, как у Ивасиковой матери. Кузнец сковал ей тоненький голосок, пошла она на речку и уже новым голоском кличет Ивасика:

Ивасику, Ивасику,

Приплынь-приплынь

Ко бережку:

Дам тебе и есть, и пить,

И хорошо походить.

– Вот это моей матушки голосок. Плыви, плыви, лодочка, к бережку.

Только Ивасик на бережок, а ведьма его – цап! – да и потащила в свою хату. Принесла да и говорит дочке:

– Вот тебе, Алёнка, мальчонка, зажарь мне его на обед.

– Хорошо, мама, - отвечает Алёнка. - Я уже печь истопила.

– Тогда я за солью пойду, - говорит ведьма, - пока вернусь, чтобы жаркое было готово.

Пошла ведьма за солью, а Алёнка взяла лопату и говорит Ивасику:

– Садись, хлопец, на лопату.

– Да я не умею!

– Садись же, садись!

А Ивасик то руку положит, то голову, а всё не садится, будто не умеет, а потом Алёнке:

– Ты покажи мне, как сесть, я и сяду.

– Да вот же как, гляди!

Уселась Алёнка на лопату, а Ивасик её – хлоп! – в печь, заслонкой закрыл, там она и изжарилась.

Выбежал Ивасик из хаты, вдруг слышит – ведьма идёт.

Он стремглав на явор влез, спрятался и сидит.

Вошла ведьма в хату, видит – нет Алёнки.

– Ну, проклятая девка! Только я из хаты, а она уже и умчалась.

Вот я задам тебе! Что ж, сама пообедаю. Вытянула из печи жаркое, наелась, пошла улеглась под явором и ну качаться:

– Покатаюсь, поваляюсь, Ивасикового мясца наевшись.

А Ивасик не вытерпел да с явора ей:

– Покатайся, поваляйся, Алёнкиного мясца наевшись!

– А, как ты тут, такой-сякой разбойник! Погоди же, всё равно

съем я тебя!

И принялась ведьма явор грызть; грызёт и зубами щёлкает. Видит Ивасик, плохи дела, а тут глядь – гуси летят. Он им:

Гуси, гуси, лебёдушки!

Возьмите меня на крылышки,

Понесите меня к батюшке,

А у батюшки и есть, и пить,

И хорошо походить.

А они говорят:

– Нам некогда, пусть тебя задние возьмут.

И полетели. А ведьма всё грызет, аж трясётся явор.

Подлетели задние гуси, Ивасик к ним:

Гуси, гуси, лебёдушки!

Возьмите меня на крылышки,

Понесите меня к батюшке,

А у батюшки и есть, и пить,

И хорошо походить.

– Пусть тебя последняя возьмёт! – сказали да и полетели.

А ведьма уже так явор подгрызла, что он наклонился, вот-вот упадёт.

А тут летит гусочка; одно крылышко у неё перебито, от стаи она отбилась да так сама позади и летит. Ивасик заплакал и к ней:

Ой гусочка-лебёдушка,

Возьми меня на крылышко

Да понеси к батюшке,

А у батюшки и есть, и пить,

И хорошо походить.

Пожалела гусочка Ивасика:

– Ладно уж, садись, может, как-нибудь и долетим.

Сел на неё Ивасик, и полетели.

Ведьма как увидела, что Ивасик удрал-таки, рассвирепела да так надулась, что и лопнула.

А Ивасик с гусочкой полетели-полетели да под батюшкиным оконцем и сели. Стал Ивасик под окошком и слушает, что там старики говорят. А там мать пирожки из печи по два вынимает, кладёт их на окошко да приговаривает:

– Это тебе, дедушка, а это мне. Ивасик из-за окна и

отзывается:

– А Ивасику и нету!

– Ой, старик,- говорит мать,- что-то мне будто голос Ивасика слышится!

– Да где там, старуха, нашего Ивасика уже и на свете нет.

Утерла старая слезы и опять к пирожочкам:

– Это тебе, дедушка, а это мне. Ну а Ивасик снова:

– А Ивасику и нету.

– Да нет, старик,- говорит мать,- я хорошо слышу, это он.

Вышли старики за порог, глядь: Ивасик стоит под окошком.

Поздоровались, обнялись на радостях и рады-радехоньки! Мать Ивасику и головку помыла, и рубашечку белую дала, и накормила, а гусочке самого лучшего зерна насыпала.

Так и стали они вместе жить. И до сих пор живут. Да хлеб жуют.